

"Рисале-и-татар-и-лех" – ценный источник по истории и культуре литовских татар XVI века.

В 1558 году один из литовских татар совершил по обычаю мусульман паломничество к святым местам. По пути в Мекку он остановился в Стамбуле и для визиря султана Сулеймана написал трактат о татарах в Литве "Рисале-и-татар-и-лех" ("Risale-i-Tatar-i-Lech"). В XIX веке эту рукопись получил со Стамбула известный исследователь-ориенталист, профессор Санкт-Петербургского университета, белорусский шляхтич Антон Осипович Мухлинский. Опубликованная в Вильно в 1858 году работа неизвестного паломника стала ценным источником по истории и культуре татар Великого княжества Литовского. А. Мухлинский не только сделал перевод рукописи с турецкого на польский язык, но и дополнил её историческими материалами в виде так называемых приписок (*przypisek*), что сделало работу доступной для широкого круга исследователей.

Работа А. Мухлинского была издана под названием "Отчёт (характеристика) о литовских татарах, данный одним из этих татар султану Сулейману в 1558 г." в журнале "TeKa Wilenska" (nr 4-6, 1858).

"В числе восточных рукописей, присланных мне 5 лет тому назад из Стамбула, от знакомого книготорговца Эмин-эфенди, нашлось несколько сшитых листов с надписью: *Risalei Tatarı Leh*, то есть дело о польских татарах", - пишет А. Мухлинский.¹ Рукопись была написана "красивым письмом", называемое таалик (*taalik* - К.З.), на что указывает печать владельца рукописи, везира Рагиб-паши (ум. в 1763 г. – К.З.), одного из наиболее известных министров в Оттоманской империи, прославившегося своим увлечением науками и книгами. Рукопись содержит сведения о состоянии литовских татар во времена Зигмунта-Августа (1548-1572), написанная по примеру отчётов, составляемых великими везирами оттоманским монархам. Об авторе рукописи почти ничего не известно, что является характерным явлением многих авторов восточных рукописей, которые чаще всего скрывали свои фамилии. Профессор С. Кричинский, автор монографии о литовских татарах сделал предположения об авторстве рукописи на основании двух документов конца XVI века. Один из этих документов найденный в книге городского суда в Вильно, датирован 2 марта 1594 года. В этот день перед судом предстал "татарын господарский повету виленского *дервиши Челеби Хадчы Мурзич, кади всех татар Великого Князства Литовского*" и сделал заявление, что после своей смерти он отпускает на свободу невольника (вероятно, московского пленника) Ивашку Петровича, которого несколько лет назад купил у татарина Виленского повета Алея Абрахимовича, а за это освобожденный после своей смерти своего благодетеля пусть молится за его душу. На вольной, написанной в Вильно в этот же день, были подписи кади и дервиша в одном лице, а печати поставили князя-землевладельцы Виленского повета Ахмет Фурсович и Абрахим Усейнович.² Из другого документа становится ясным, что кади Челеби Мурзич в 1558 году был муллой мечети в Довбутишках Ошмянского повета. В реестре документов на владения в Довбутишках, принадлежащих князю Аликечу Бегимовичу Улану, составленном 30 сентября 1592 года, имеется "письмо *Дервиша Челеби кади Мурзича, духовника татарского долбутишского...*"³ С. Кричинский предположил, что этот человек, кади всех татар ВКЛ был довольно известной личностью. Об этом говорят его звания, являющиеся свидетельством проникновения османского влияния в культуру литовских татар.

Почётный для мусульманина титул *хаджи* (т.наз. паломник – К.З.) свидетельствует о том, что Мурзич совершил хадж, т.е. паломничество в Аравию, к святым местам Мекки и Медины. Звания *дервиши* и *челеби* татарский кади добавил к своей фамилии, по-видимому, в Турции, где пробыл, очевидно, довольно долго. Дервиш (от перс., досл. просящий у двери, т.е. нищий) – это мусульманский монах, человек, отрекшийся от мирских радостей

и добровольно отдавшийся нищенствованию и бескорыстному познанию Бога. Дервиши создавали братства и монастыри, где предавались "мистическому созерцанию".⁴ Происхождение же тюркского слова *челеби* неясно (возможно, от староосманского *chalab-bog*), в староосманском литературном языке, особенно в XIV и XV веках, оно имело значение почётного титула, которым наделяли человека, обладающего врождённым умом и большими знаниями. Титул *челеби* носили выдающиеся писатели, поэты, ораторы, врачи, историки, каллиграфы, судьи и т.д. Но уже в XVI веке этот титул стал заурядным, а на рубеже XVII-XVIII веков его заменили заимствованным из греческого языка титулом *эфенди*. Типично то, что титул *челеби* носили также настоятели монастырей в Малой Азии, где жили дервиши.⁵ Поэтому, считает С. Кричинский, можно предположить, что *кади* Мурзич "в течении определённого времени действительно был членом организации дервишей где-то в Анатолии..."⁶ "Трудно отказать от мысли, пусть и неподкреплённой какими-либо данными источников, что Челеби Мурзич, наверняка уже почтенный старец в 1558-1594 гг. – это то же лицо, что и автор трактата о литовских татарах "Risale-I-Tatar-I-Lech" 1558 года" – говорит С. Кричинский.⁷ Предпологать так польского учёного заставляет то обстоятельство, что автор трактата уже самим фактом и характером его написания выделяется из всей массы литовских татар XVI века более широким запасом знаний, а кроме *кади* Мурзича не известен такой татарин из Литвы, который обладал такими же титулами, указывающими на высокий уровень образования. Автор "Risale" во время написания трактата, т.е. в 965 году Хиджры (1558 г.) был ещё молодым человеком, доказательством чего служат некоторые его замечания⁸, если предположить, что ему тогда было около 30 лет, то в 1594 году ему должно было быть 66 лет, что совпадает с предполагаемым возрастом *кади* Мурзича. Мурзич носил титул *хаджи*, следовательно, совершил паломничество в Мекку; паломником был и неизвестный автор трактата, который во время своего путешествия, начавшегося в 965 году Хиджры (20.10.1557-20.10.1558), на несколько месяцев задержался в Стамбуле и там написал свой труд о литовских татарах, подарив его затем султану Сулейману Великолепному. При написании этого труда он получал, как признаётся сам, "поддержку со стороны учёных во всех областях знания".⁹ "Возможно, - говорит С. Кричинский, - татарин-паломник из Литвы, возвращаясь из Аравии, на некоторое время остановился в Турции и, привлечённый глубокими знаниями различных учёных, с которыми он познакомился в Стамбуле, стал учиться в каком-либо медресе, поступил в монастырь дервишей и, наконец, вернулся в страну, получив полное мусульманское религиозное образование, смог занять должность *кади*..."¹⁰ Однако, как упоминалось выше – это только предположение, высказанное С. Кричинским, которое невозможно подкрепить данными источников.

О высоком уровне образованности автора можно судить по стилю и языку написания труда: чёткое и ясное изложение, язык чисто стамбульский, а многие выражения являются типичными для восточных рукописей. Так, во введении автор "Risale", по примеру учёных Востока, уделяет много места похвале в адрес султана Сулеймана и его наместника Рустема-паши. "Это неудивительно, - замечает А. Мухлинский, - так как Османское государство в ту эпоху было в зените славы, а его государь заслужено и справедливо считался великим монархом. И поэтому с ним должны были считаться верующие из других государств, в том числе и наши татары".¹¹ Татары, действительно, признавали верховенство власти султанов в соответствии с учением ислама, по которому оттоманские цари являются халифами, то есть наследниками пророка Мухаммада. Неудивительно поэтому, то, что они стремились к Порте и поддерживали с ней отношения. "Наши предки, принятые здесь с признаками уважения и поддержанные королями, всегда скучали и тянулись к тем государствам, где наша вера и обычаи были в почёте и уважении..." – пишет автор "Risale".¹²

Мусульманское вероисповедание закрывало татарам путь к государственным должностям. Отсутствие у татар-мусульман выборного права не давало им возможности активно участвовать в политической жизни (они действовали только через депутатов,

выбранных христианской шляхтой). Но существовала одна сфера, где вероисповедание служилых татар было для них большим преимуществом перед немусульманами. Это дипломатическая служба Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой, та её часть, которая занималась отношениями с Турцией и Крымом. Литовских татар брали туда в качестве переводчиков. Десятки имён литовских татар сохранилось в документах тех времён конца XV-начала XVI в., когда сравнительно многие татары, во-первых, сохранили знание языка, а во-вторых, не прерывали связи с соотечественниками, что использовалось в интересах новой родины. Связь с Турцией поддерживалась также как через крымских ханов, подчинённых султанам, так и татар, работающих драгоманами в польских посольствах, что особенно видно позже, когда крымский хан Адель-Гирей около 1666 г. стал внимательно следить за судьбой татар в ВКЛ через министров Порты. Тогда уже были очевидны тесные отношения с Турцией. Канцлер Рас в письме к воеводе Троцкому, написанном в 1668 г. 18 марта, рекомендует ему интересоваться о связях татар с турками. Он также сообщает о связи с неким татариним Ибрагимом, служащем литовского посольства в Стамбуле.¹³ "Однако следует отдать должное нашим землякам", - пишет А. Мухлинский, - "что они никогда не сошли с пути преданности и верности своему государству..."¹⁴

Османские правители на столько живо интересовались состоянием литовских татар, что присылали с этой целью в Литву своих послов. Автор "Risale" упоминает, что приезжал некий "посол великого падишаха", который желая лично ознакомиться с жизнью здешних мусульман посетил несколько татарских семей и был очень удивлён при виде убожества большей части семей, что резко контрастировало с великолепием городов и роскошью магнатов.¹⁵ А. Мухлинский пишет, что действительно приезжал "какой-то чиновник (но не обязательно из посольства – К.З.)" с письмом султана к королю, так как в те времена, т.е. между 1550-1557 годами проводились важные переговоры между Польшей и Портой о сокращении татарских территорий в Польше; Турция неоднократно требовала наказать Дмитрия Вишневецкого – тогдашнего погромщика татар и угрожала в противном случае нападением крымского хана на польские земли.¹⁶

В XVII и XVIII вв. приговоры в тех гражданских делах литовских мусульман, которые попадали под предписания и запреты Шариата, выносили, как правило, турецкие муфтии и улемы (мусульманские духовники – К.З.). Турецкое духовенство высылало литовским татарам постановления своих судов и религиозные указы, так называемые *фетвы*. Польский историк Чацкий пишет: "После Бучацкого трактата (1672 г. – К.З.), при короле Михале Польша находилась в несчастном унижении перед Портой, религиозные фетвы высылались татарам. Сами татары в 1672 году (в мемориале, переданном Яну III, который находился среди уже зарегистрированных бумаг в Коронной метрике) предоставили присланный религиозный наказ. Ян III, отменив власть цареградского патриарха над исповедующими греческую веру (следует смотреть конституцию 1676 года – К.З.), запретил также принимать указания от турецких духовных властей".¹⁷ Но, несмотря на запреты, литовские татары, не имеющие собственного муфтия, продолжали предоставлять свои дела, касающиеся мусульманского права, собранию духовных судей в Турции.¹⁸

Причиной столь тесных отношений явились также антимусульманские настроения со стороны католической церкви, которые стали следствием массовых притеснений татар. Известно, что Турция не раз вступалась за литовских татар. Адиль-Гирей-хан убеждал Порту к принятию участия в судьбе литовских татар, и турецкие министры утверждали, что татары, по своему вероисповеданию, находятся в зависимости от султана, как верховного халифа правоверных.

Польское правительство тогда начало подозревать татар в измене, но первый драгоман Турции, польского происхождения, Али Бей, принявший мусульманскую веру, разуверил поляков, представляя, что эти внушения Турции делались в том намерении, чтобы возбудить татар против Польши, когда правительство будет признавать их виновными.¹⁹

О несправедливых притеснениях со стороны государства свидетельствует автор "Risale": "К сожалению, в наше время всё происходит иначе: за наши заслуги, которые мы совершаем вместе с ними (т.е. христианами – К.З.) для их государства, часто получаем от их магнатов укоры и давление. Подробное описание такого давления вызвало бы удивление среди людей правых, однако моё перо воздержится от описания этого бесправия, которое может привести к заслуженному наказанию, либо, если оно не прекратится, станет причиной того, что мусульмане покинут те места и перенесутся в государство монарха, который среди всех господствующих с рода Османа отличается лучшими качествами, пользуется наибольшей хвалой как защитник ислама и его верующих, рассеянных по всему миру."²⁰

В результате этих гонений в XVII веке многие татары выехали в Крым, Турцию, в результате чего численность их резко сократилась.

"Risale-i-Tatar-i-Lech", в сущности, давало туркам довольно полное и правильное представление о современном состоянии литовских татар, а содержащиеся там многие исторические подробности дают ценный материал для исследователей истории и культуры литовских татар XVI века. Этот источник стал доступен для исследований во многом благодаря А. Мухлинскому, сделавшему его перевод на польский язык. Для того чтобы сохранить дух того времени и типичный для восточных рукописей стиль написания, А. Мухлинский держался как можно ближе к оригиналу, отличавшегося, как отмечает он, "простотой и ясностью в изложении".²¹ Для лучшего понимания текста, польский профессор присоединил соответствующие объяснения, по примеру учёных Европы того времени, делавших так при переводах с восточных языков. В конце А. Мухлинский поместил привилегии польских королей, присвоенные литовским татарам и некоторые акты и документы, выписанные им из Литовской метрики. Отдельные части "Risale" были опубликованы в его "Исследовании о происхождении и состоянии литовских татар", написанного для собрания Петербургского университета в 1857 году.

"Risale-i-Tatar-i-Lech" А. Мухлинский условно разделяет на две части – вступление и основную часть, так называемую *цель написания*. В первой части письма автор в различных выражениях восхваляет султана и его визиря, для которого он пишет. Во второй части содержатся основные сведения о литовских татарах: их происхождении и появлении в Литве, приглашении на военную службу, социально-экономическом и политическом положении, численном и сословном составе, языке, особенности вероисповедания, семейно-бытовой и обрядовой культуры. Говоря о цели написания, автор пишет: "Хотя это Risale (арабское письмо – К.З.), в сущности, переполнено многими ошибками и выражениями и не имеет почти никакой значимости, однако оно может принести какую-то пользу, по крайней мере с той точки зрения, что даст представление о состоянии верующих, проживающих в государствах, где ислам признаёт малая часть народа."²²

Описывая своё государство, автор говорит, что оно "занимает большое пространство мира" и называется в исламских странах Лехистаном (Lechistan, вероятно, персидское название состоит из собственного имени Lech и концовки stan, означающего место и обилие чего-либо – К.З.). Появление татар в этом государстве автор относит "к недавнему времени": "Мой отец знал рассудительного старца, который пришёл вместе с другими и рассказывал, что семьи нашего рода, уставшие от войн, оставили свои дома и переселились в эти места".²³

На то время, как возникло "Risale", о племёнах поселенцев существовали легенды. Автор же считал, якобы ещё во времена хана Джанибека (1342-1357) некоторые татары, которые участвовали в походах на Польшу (имеется в виду, видимо, всё-таки Литва), остались в этих местах, "к несчастью оставили свой язык и пользуются языком того края, где живут... но сохранили свою веру... Однако больше всего поселилось татар во времена эмира Тимура".²⁴ Согласно с записанным паданием, "для ляхского короля прислал эмир несколько тысяч своих храбрых воинов. А когда они одержали победу, то по просьбе

короля остались в его владениях, наделённые всеми знаками монаршей ласки. Имя того короля, который был словно опора (колонна), что поддерживала Ислам в стране гауров (неверных – К.З.), - Ватад. Ежегодно отмечается день памяти этого короля... Мусульмане собираются в мечетях в этот день и имя его вспоминают с великой благодарностью".²⁵

Понятно, что речь идёт о великом князе Витовте. И действительно, у татар Великого княжества Литовского были все поводы вспоминать его имя. Именно Витовту они обязаны своим существованием и в качестве отдельной национальной группы, именно его по праву можно назвать создателем татарских поселений в Беларуси и Литве.

Много места автор "Risale" уделяет описанию особенности вероисповедания татар в Литве. Говоря о своей вере, он называет её "самой светлой и чистой". Добавляя при этом, что "если бы великий падишах прислал из Стамбула своих ваизов (мусульманских духовников, которые выступают в пятницу при каждой большой мечети – К.З.), то нет сомнения, что большая часть народа была бы освещена светом Ислама..."²⁶ Описывая свои впечатления о мечетях Стамбула и молитвах, услышанных там, автор с сожалением замечает, что литовские татары имеют "убогие и низкие, построенные из дерева мечети, наподобие тех, что находятся в сёлах Румелии без минаретов и приютов, но зато они есть в каждом большом городе (местности)... Строительство роскошных мечетей – пишет он, - связано с большими трудностями, потому как без разрешения правительства нельзя строить новые."²⁷ Одной из отличительных черт отправления культа у литовских татар является то, что в мечетях молятся также и женщины, но в специальном месте, отдельно от мужчин чтобы не нарушать права, запрещающего молиться вместе.

При мечетях служили имамы, иногда их приглашали с Крыма, про что свидетельствует автор трактата. Служили они обычно при больших мечетях и удерживались за счёт прихожан, обучая при этом их детей.²⁸ Автор "Risale" просит султана "прислать своих улемов (мусульманские духовники – К.З.)" для того, что бы те обучали татар мусульманскому праву и их детей арабскому и турецкому языкам, а также "другим наукам, которые требуется от нашей религии..."²⁹

Действительно, у татар-мусульман не было специальных учебных заведений по подготовке духовенства, поэтому должность имама и его заместителя занимали мусульмане, знакомые с религиозными обрядами, которые умели читать Коран. Однако данный титул имел употребление более как официальный. В мирском быту обычно пользовались титулом мулла, молла (господин, защитник), который часто встречается в документах Литовской метрики с XVI столетия: "мулла, поп татарский".

Татары Великого княжества Литовского стремились неоднократно добиться автономного религиозного положения. Следы татарской автономности наблюдались во второй половине XVII в. "...татары литовские, живущие по законам Корана в делах о купле земли и тому подобных подчинялись местным земским сановникам".³⁰ В 15-16 веке в структуре религиозной иерархии ислама литовские татары выделяли низшего сановника, на уровне прихода, кади (судью), руководителя мусульманской провинции, муфтия и главу исламского мира – халифа. Однако по документам видно, что титул кади употреблялся крайне редко, в древних актах он зафиксирован только один раз (об этом говорилось выше). В делах "мусульман литовских" XVII-XVIII вв. фигурируют турецкие муфтии и улемы. С Кричинский приводит сообщение Ибрагима Печеви о том, что в 1630 г. в Аккерман (Белгород) приезжал представитель польских татар с предложением к тогдашнему муфтию о заключении религиозного договора, предусматривавшего права духовной автономии, т.к. турецкие муфтии стремились на них распространять декреты своих судов и религиозных наказов (фетвы).³¹

Что касается традиционных занятий литовских татар, автор "Risale" пишет, что главной обязанностью их была военная служба, за которую они получали земли: "Земли, на которых мы жили...были нам даны королями за военные заслуги и мы их используем наравне с местными жителями".³² Кроме того, было много татар, которые занимались ремесленничеством и предпринимательской деятельностью и которые платили

установленные налоги, так как не несли военной службы. Это были в основном жители городов и местечек. "В городах существуют отдельные районы, где они проживают и называются эти районы татарскими. Проживающие в городах почти уже не понимают языка Курана ...Однако и такие часто направляются в святое путешествие в Мекку, присоединяясь к тем, кто разговаривает по-арабски."³³

В середине XVI века автор "Risale" оценил татарскую общность Великого княжества Литовского в 200 тысяч человек. Однако эта цифра, по мнению российского учёного С. Думина, явно преувеличена.³⁴ В середине XVII века, по подсчётам С. Кричинского, татарское население в Великом княжестве Литовском и на Волыне достигало приблизительно 14-16 тысяч человек. Иначе говоря, процент его оставался сравнительно небольшим. Однако эта группа не растворилась в общей массе населения Литвы. Сначала её обособленность объяснялась тем, что недавние пришельцы были слабо связаны с местным населением и в значительной степени поддерживали связи с родичами-мусульманами, что способствовало притоку новых поселенцев.

Первые поколения литовских татар ещё сохраняли знания языка, что позволяло им служить переводчиками и писарями при канцеляриях великих князей. Но уже в середине XVI как сообщается в "Risale", татары в Литве "не могут разговаривать по-арабски или по-турецки, зато знают другие языки: каждый умеет говорить на двух языках, которые там распространены" (А. Мухлинский считает, что имеется в виду польская и белорусская).³⁵ Процессу ассимиляции способствовали также и смешанные браки. И всё же, не глядя на это, литовские татары сберегли свои специфические черты, не исчезли в общей массе населения Великого княжества Литовского, потому как продолжать исповедовать ислам. Именно религиозная обособленность обозначила их положение в обществе. Сохранение общности стало возможным ещё и потому, что в Литве в конце XVI века были ещё сильны традиции толерантности (веротерпимости) сравнительно мирно уживались разные конфессии. В сохранении татарами обособленности в известной степени были заинтересованы и великие князья, поскольку, это гарантировало зависимость пришлых от них. В дальнейшем такая привилегия литовских татар, не подкреплённая никакими письменными актами, но освещённая традицией, не оспаривалась. В то время, когда происходила оформление этнической группы, в конце XIV-XV в., за татарскими поселенцами в Великом княжестве Литовском сохранилось право оставаться в своей вере. Только благодаря этому они не растворились среди населения ВКЛ, а оформились в особую этническую группу, в отличие от татар, посланных Витовтом в Польшу и окрещенных по приказу польского короля Ягайло или их соплеменников, взятых на службу к московским князьям и также вынужденных окреститься.

В конце своего трактата автор отмечает, что татары не только не смешались среди местного населения, но и обогатили его культуру и язык.

На основании рассмотренного материала можно сделать вывод, что "Risale-i-Tatar-i-Lech" является ценным источником по изучению истории и культуры литовских татар XVI века.

¹ Muchlinski A. Zdanie sprawy o tatarach litewskich // TeKa Wilenska. – 1858. - №4, s.241.

² Kryczynsky S. Tatarzy litewscy. – Warszawa, 1938, s.227.

³ Там же. – S. 227.

⁴ Encyclopedie de l'Islam, T.I, 975-976 (s.v. Derwish). Л. Будагов. Сравнительный словарь тюрко-татарских наречий. Т. I, Спб., 1869, с. 557.

⁵ Encyclopedie de l'Islam, T.I, 852-853 (s.v. Czelebi, art. W. Bartolda).

⁶ Kryczynsky S. Tatarzy litewscy. – Warszawa, 1938, s.228.

⁷ Там же – С. 229.

⁸ Kryczynsky S. Tatarzy litewscy. – Warszawa, 1938, s.229, Muchlinski A. Zdanie sprawy o tatarach litewskich // TeKa Wilenska. – 1858. - №4, s.258.

⁹ Kryczynsky S. Tatarzy litewscy. – Warszawa, 1938, s.229, Muchlinski A. Zdanie sprawy o tatarach litewskich // TeKa Wilenska. – 1858. - №4, s.247.

- ¹⁰Крыцзынскы С. Татары литевскы. – Warszawa, 1938, s.229.
- ¹¹Muchlinski A. Zdanie sprawy o tatarach litewskich // Teka Wilenska. – 1858. - №4, s.242.
- ¹² Там же – S. 255.
- ¹³ Там же – S. 243.
- ¹⁴ Там же – S. 243.
- ¹⁵ Там же – S. 266-267.
- ¹⁶ Muchlinski A. Zdanie sprawy o tatarach litewskich // Teka Wilenska. – 1858. - №5, s.76-77.
- ¹⁷ Czacki. O Tatarach // Wiszniewski M. Pomniki historii i literatury polskiej. – Krakow, 1835. Т.ІІ, s.103-104.
- ¹⁸ Крыцзынскы С. Татары литевскы. – Warszawa, 1938, s.230.
- ¹⁹ Канапацкая З. Мечети как центры сохранения этноконфессиональной культуры татар Беларуси, Литвы и Польши // Ислам і мусульмане Беларусі в XX стагоддзі: Матэрыялы VII міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. – Мн., 2002. – С. 138.
- ²⁰ Muchlinski A. Zdanie sprawy o tatarach litewskich // Teka Wilenska. – 1858. - №4, s.255.
- ²¹ Там же – S. 244-245.
- ²² Там же – S. 249.
- ²³ Там же – S. 250.
- ²⁴ Там же – S. 251.
- ²⁵ Там же – S. 253.
- ²⁶ Там же – S. 254.
- ²⁷ Там же – S. 256.
- ²⁸ Там же – S. 258.
- ²⁹ Там же – S. 259-260.
- ³⁰ Там же – S. 267.
- ³¹ Крыцзынскы С. Татары литевскы. – Warszawa, 1938, s.208.
- ³² Muchlinski A. Zdanie sprawy o tatarach litewskich // Teka Wilenska. – 1858. - №4, s.263.
- ³³ Там же – S. 264.
- ³⁴ Думін С.У., Канапацкі І.Б. Беларускія татары: Минулае і сучаснасць. – Мн., 1993, с.20.
- ³⁵ Muchlinski A. Zdanie sprawy o tatarach litewskich // Teka Wilenska. – 1858. - №4, s.252.
-
